

Говард Филлипс Лавкрафт

Искания Иранона

(The Quest of Iranon)

В каменный город Телот однажды пришел юноша в венке из виноградных листьев на желтых, блестящих от мирры волосах и в пурпурном плаще, порванном о колючки на горе Сидрак, что находится по другую сторону старинного каменного моста. Сумрачные и суровые жители Телота, которые живут в квадратных домах, хмуро спросили чужеземца, откуда он пришел, как его зовут и что есть у него за душой. И юноша ответил им так:

– Зовут меня Иранон, и пришел я из Айры, далекого города, который уже почти не помню, но хочу отыскать вновь. Я пою песни, которые выучил в далеком городе, и мое ремесло – творить красоту из детских воспоминаний. Богатство мое в воспоминаниях, мечтах и надеждах, о которых я пою по ночам в саду, когда светит ласковая луна и западный ветер колышет бутоны лотосов.

Жители Телота выслушали юношу и зашептались между собой. В городе из гранита не знали ни смеха, ни песен, но суровые мужи, когда наступала весна, бывало, посматривали в сторону Карфианских гор и думали о лютнях далекой страны Оонай, о которых рассказывали путешественники. Вспомнив об этом, они попросили чужеземца остаться и спеть им на площади перед башней Млина, хотя им не понравились ни цвет его рваного плаща, ни мирра на его волосах, ни венки из виноградных листьев, ни юный золотистый голос. Вечером, когда Иранон пел им, старики молились, а слепец сказал, что видел нимб над его головой. Однако многие жители Телота зевали, а другие смеялись или шли спать, потому что Иранон не сообщил им ничего полезного, ведь он пел о своих воспоминаниях, о своих мечтах и надеждах.

– Я вспоминаю вечер, и луну, и ласковые песни, и окно в той комнате, где ты качала мою колыбель. А за окном сверкали золотые фонари, и тени плясали на мраморных стенах. Я вспоминаю лунный квадрат на полу, не похожий ни на что на свете, и странные фигурки, плясавшие в лучах луны, пока мама пела мне колыбельную песню. И еще я вспоминаю утреннее солнце, сверкающее летом над многоцветными холмами, и сладкий аромат цветов, приносимый западным ветром, для которого поют деревья.

О Айра, город из мрамора и бериллов, не забыть мне твоей красоты! Как любил я теплые благоуханные рощи на другом берегу голубой Нитры и перекаты крохотной Кра в зеленой долине! В тех рощах и в той долине дети плели венки друг для друга, а в сумерках я грезил под деревьями, глядя на городские огни подо мной и извилистую Нитру с вплетенной в нее звездной лентой.

В городе были дворцы из цветного с прожилками мрамора с золотыми куполами и разрисованными стенами и тенистые сады с лазурными прудами и чистыми фонтанами. Я часто играл в тех садах, и плескался в тех прудах, и лежал, грезя, среди белых цветов под высокими деревьями. А иногда на закате я поднимался по крутой улице к крепости и с открытого места смотрел на Айру внизу, волшебный город мрамора и бериллов в прекрасном одеянии из золотых огней.

Давно я тоскую по тебе, Айра, в младенчестве покинул я тебя. Но мой отец был твоим царем, и я вернусь к тебе, ибо такова воля рока. В семи землях я искал тебя, но придет день, и я буду царить над твоими рощами и садами, над твоими улицами и дворцами, и тогда я буду петь людям, которые будут знать, о чем я пою, и не станут они смеяться надо мной и отворачиваться от меня, ибо я – Иранон, принц Айры.

На ночь жители Телота устроили чужеземца в хлеву, а поутру явился архонт и велел Иранону идти к сапожнику Атоку и стать его подмастерьем.

– Я – певец Иранон, – возразил юноша, – и не лежит у меня сердце к ремеслу сапожника.

– В Телоте все трудятся, – сказал архонт. – Таков закон.

И юноша ответил ему:

– Разве вы трудитесь не затем, чтобы жить и быть счастливыми? Ведь если вы трудитесь, только чтобы трудиться, где найдете вы свое счастье? Вы трудитесь, чтобы жить, а разве жизнь – не красота и не песня? Если нет певцов среди вас, то где же плоды ваших трудов? Труд без песни – все равно что утомительное путешествие без цели. Не лучше ли сразу умереть?

Архонт не понял его и упрекнул:

– Ты – странный юноша, и мне не нравятся ни твое лицо, ни твой голос. Речи твои богохульство, ибо боги Телота учили нас, что труд – благо. Наши боги обещали нам после смерти приют из света, чтобы мы могли вдосталь отдохнуть, и из ледовых кристаллов, чтобы никакие мысли и никакая красота не досаждали нам. А теперь иди к Атоку-сапожнику или до заката убирайся из города. Здесь все должны приносить пользу, а какая польза от песен?

Иранон вышел из хлева и отправился по узким каменным улочкам между квадратными гранитными домами на поиски чего-нибудь зеленого, но вокруг он видел одни камни. Хмурыми были лица людей, однако на каменной набережной медлительной речки Зуро сидел подросток и печальным взглядом провожал зеленые ростки с набухшими почками, которые паводком несло с гор. Мальчик спросил Иранона:

– Это о тебе говорил архонт? Ты ищешь далекий город и прекрасную страну? А я – Ромнод, плоть от плоти Телота, но еще не такой, как все в этом гранитном городе, поэтому тоскую по теплым рощам и дальним странам, где есть красота и песни. За Карфианскими горами находится Оонай, город лютен и танцев, о котором говорят, будто он красив и ужасен. Я бы пошел туда, если бы не был еще маленьким, ведь я не знаю дороги. А тебе надо идти. Ты будешь там петь, и люди будут слушать тебя. Давай вместе уйдем из Телота и вместе отправимся через весенние горы. Ты научишь меня путешествовать, а я буду слушать твои песни по вечерам, когда звезды одна за другой посылают грезы тем, кто любит грезить. А вдруг город лютен и танцев Оонай окажется еще красивее Айры, которую ты ищешь, ведь, говорят, ты давно не видел ее, да и она могла сменить имя! Пойдем в Оонай, золотоволосый Иранон! Тамошние жители поймут нас и примут, как братьев. Они не будут смеяться и хмуриться, слушая тебя.

И Иранон ответил ему:

– Пусть будет по-твоему, малыш. Если человеку в этом каменном мешке хочется красоты, он должен искать ее в горах и за горами, и я не оставлю тебя томиться возле медлительной Зуру. Однако не думай, будто радость и понимание ждут тебя за Карфианскими горами или где-то еще через день, через год, через пять лет. Знаешь, когда я был таким маленьким, как ты, я жил в долине Нартос возле холодной реки Ксари, где никто даже слышать не хотел о моих снах, и я сказал себе: вот подрасту, уйду в Синару, что на южном склоне, и буду там петь на базаре улыбочивым погонщикам верблюдов. А в Синаре все погонщики оказались пьяницами и грубиянами, и их песни не были похожи на мои, поэтому я спустился на барже по реке Ксари до города Джарен, в котором стены из оникса. Там солдаты посмеялись надо мной и прогнали меня прочь, и я отправился бродить по земле. Я видел город Стетелос, что рядом с великим водопадом, и болото на месте Сарната. Я был в Траа, Иларнеке и Кадатероне, что стоят на извилистой реке Ай, и долго жил в Олатое в стране Помар. Бывало, меня слушали, но таких всегда оказывалось немного, и я знаю, что хорошо мне будет только в Айре, в городе из мрамора и берилла, где мой отец когда-то был царем. Мы будем искать Айру, хотя почему бы нам не побывать в далеком городе лютен Оонае, который находится за Карфианскими горами и вполне может оказаться Айрой, хотя я так не думаю. Красота Айры превосходит любую мечту, и никто не может говорить о ней без восторга, а об Оонае лишь погонщики верблюдов шепчутся с вождением.

На закате Иранон и маленький Ромнод покинули Телот и потом долго брели по зеленым горам и прохладным лесам. Трудной и путаной была их дорога, и никак не могли они приблизиться к городу лютен и танцев Оонаю, но по вечерам, когда появлялись звезды, Иранон пел о прекрасном городе Айре, а Ромнод слушал его, и оба были несказанно счастливы. Они ели сколько душе угодно красных ягод и фруктов и не замечали, как бежит время. Минуло много лет. Маленький Ромнод был уже не таким маленьким и, когда говорил, не срывался на петуха, а Иранон оставался каким был, и все так же украшал свои золотистые волосы венком из виноградных листьев и брызгал на них пахучим лесным соком. Потом наступил день, когда Ромнод показался себе старше Иранона, а ведь он был совсем малышом, когда сидел на берегу медленной речки Зуру и печально смотрел на проплывавшие мимо зеленые ростки.

Но вот однажды вечером в полнолуние путники взошли на высокую гору и увидели внизу мириады огней Ооная. Крестьяне показали им дорогу на расположившийся неподалеку город, но Иранон сразу понял, что это не его родная Айра. Огни Ооная были непохожи на огни Айры, потому что горели ярко и вызывающе, а фонари Айры были нежными и волшебными, как лунное пятно на полу под окном, возле которого мать Иранона как-то пела ему колыбельную. Однако Оонай был городом лютен и танцев, поэтому Иранон и Ромнод спустились по крутому склону, чтобы найти людей, которым их песни и мечты подарят радость. Едва они появились в городе, как встретили бражников в венках из роз, которые переходили из дома в дом, высывались из окон и сидели на балконах. Они внимали песням Иранона, осыпали его цветами и аплодировали ему. На минуту Иранон поверил, будто отыскал наконец людей, которые думают и чувствуют, как он, хотя город и в сотой степени не был так красив, как Айра.

Но наступило утро, и Иранон с отвращением огляделся кругом, ибо купола Ооная не золотились на солнце, а были серыми и скучными. И мужчины Ооная были бледными и скучными от вина и совсем не похожи на счастливых жителей Айры. Однако им нравились песни Иранона и они осыпали его цветами, поэтому Иранон остался в городе, и с ним остался Ромнод, которому так понравилось здешнее шумное веселье, что он немедленно украсил свои темные волосы венком из роз и мирта. Вечерами Иранон часто пел гулякам, но сам он оставался таким, как всегда, увенчивал голову только виноградными листьями, помнил мраморные улицы Айры и чистую воду Нитры. В украшенных фресками залах короля пел Иранон, стоя на хрустальном возвышении, возведенном на зеркальном полу, и, пока он пел, он заражал слушателей своими мечтами, отчего в полу начинало отражаться что-то прекрасное и полузабытое, а не разгоряченные вином лица пирующих, которые осыпали его розами. Король приказал Иранону снять старый плащ и одел его в атласное платье с золотым шитьем, украсил его пальцы перстнями с зеленым нефритом, а запястья – браслетами из резной слоновой кости. Он поселил певца в золоченой комнате, увешанной гобеленами, и уложил спать на богатое ложе под шелковым, расшитым цветами балдахинном. Вот так жил Иранон в Оонае, городе лютен и танцев.

Никто не знает, сколько прошло времени, но однажды король привел во дворец неистовых плясунов из Лиранийской пустыни и смуглых флейтистов из восточного города Драйнена, и с тех пор плясунам и флейтистам доставалось на пирах больше роз, чем Иранону. Ромнод же, который был маленьким мальчиком в Телоте, день за днем становился все грубее и краснее от вина, и мечты постепенно покидали его, да и песни Иранона уже не доставляли ему прежней радости. Загрустил Иранон, но не мог он не петь и не рассказывать по вечерам о городе своей мечты, о мраморно-берилловой Айре.

Однажды ночью багровый и жирный Ромнод тяжело захрипел на покрытом маковым шелком ложе в пиршественной зале и умер в корчах, пока бледный и худой Иранон пел сам себе в дальнем углу. Оплавав Ромнода и положив на могилу его любимые зеленые ветки с набухшими почками, Иранон снял с себя шелка и драгоценные камни, надел свой поношенный плащ и венок из свежих виноградных листьев и, никем не замеченный, покинул город лютен и танцев Оонай.

На закате ушел Иранон искать свою родную страну и людей, которые поймут и полюбят его песни и мечты. Во всех городах Сидатрии и в землях за Бназийской пустыней веселые ребята смеялись над его устаревшими песнями и поношенным пурпурным плащом, а Иранон все оставался молодым и носил венки из виноградных листьев на своих золотистых волосах, не уставая петь об Айре, которая была счастьем его прошлого и надеждой его будущего.

И вот однажды Иранон набрел на убогую хижину согнувшегося под бременем лет старого и грязного пастуха, который пас своих овец на каменных горах над зыбучими песками и болотами. И его Иранон спросил, как спрашивал всех:

– Не знаешь ли ты, как мне найти Айру, город из мрамора и бериллов, где течет чистая Нитра и перекаты маленькой Кра поют свои песни зеленым горам и долинам?

Пастух долго и пристально вглядывался в Иранона, словно вспоминая нечто давно забытое, и от его внимания не укрылись ни молодое лицо чужеземца, ни его золотистые волосы, ни венчик из виноградных листьев. Однако он был очень старым, поэтому, покачивая головой, ответил так:

– Путник, я и вправду слышал о городе Айре, слышал и о реках, которые ты назвал, но это было давным-давно, еще в начале моей прожитой жизни. Я слышал их от мальчика, с которым дружил в детстве, от сына бродяги, который предавался странным мечтам и сочинял длинные сказки о луне, и цветах, и западном ветре. Мы смеялись над ним, потому что знали его с младенчества, хотя он и воображал себя сыном короля. И он был красивым, как ты, но только совсем безрассудным. Еще мальчишкой он убежал искать людей, которые будут радоваться его песням и мечтам. А до этого он часто пел мне о несуществующих странах и несбыточных надеждах! Он много говорил об Айре, и о реке Нитре, и о перекатах крохотной Кра. Он говорил, что когда-то был принцем в тех краях, но мы-то все знали о нем. Нет никакого мраморного города Айра, и нет людей, которым в радость непонятные песни, разве лишь они живут в мечтах моего старого друга Иранона, который давным-давно покинул нас.

В сумерках, когда звезды одна за другой появились на небе и луна засияла на болоте, как сияла она на полу в той комнате, где мать укачивала свое дитя, к смертоносным зыбучим пескам подошел очень старый человек в рваном пурпурном плаще и в венке из высохших виноградных листьев. Он глядел прямо перед собой, словно видел впереди золотые купола прекрасного города, в котором люди умеют мечтать. Той ночью в старом мире погибла толика юности и красоты.

Перевод: Людмила Володарская

2000 год